

ГЛАВА I. На следующий день после революции.

Настоящий труд был уже раньше издан под названием: *Общество на следующий день после революции*; название это не отвечало в точности проводимой мною мысли и поэтому, расширив объем моего труда, я изменил его название на более соответствующее излагаемым в нем воззрениям.

Действительно, когда идет речь о революции, такой, как мы ее понимаем, нельзя говорить о завтрашнем дне. «Завтра» существует для политических революций, заканчивающихся в 3 дня, неделю, месяц или год, но социальная революция окончится только в тот день, когда власть бесследно исчезнет с земли, и тогда не понадобится больше вмешательство революции для обеспечения эволюции, и последняя будет совершаться свободно и беспрепятственно.

Пока настанет этот день, революция происходит ежеминутно, ежечасно, повсеместно...

Это непрерывная борьба будущего с прошлым, движения с застоем, справедливости с неправдой.

Началом ее был первый независимый акт личной инициативы, и неизвестно, когда наступит ее конец...

В настоящий момент для нее «завтра» не существует.

С другой стороны, заглавие: *Общество на следующий день после революции* как бы указывало на то, что в ближайшем будущем должен наступить совершенный переворот в современном строе, что на смену ныне существующего внезапно появится новое, вполне организованное общество.

Эволюционисты упрекают нас, будто мы не считаемся с естественными законами, согласно которым все на свете прогрессирует постепенно и медленно. Поэтому, мы должны избегать всего, что могло бы дать повод к недоразумениям, ибо отлично знаем, что общественный строй, к которому стремимся, не появится вдруг, как по мановению магической палочки, а сформируется постепенно, от соединенных усилий многих поколений, путем ли уступок, насильно исторгнутых, господствующих классов, или одержанных над ними побед, которые дадут возможность устраиваться помимо их согласия.

Политические революции довольствуются тем, что низвергают людей, стоящих у власти; ограничиваются переменой названия правительственного механизма, оставляя его

функции, и поэтому такие революции совершаются более или менее быстро; исполнив свое назначение, достигнув цели, они останавливаются в своем движении.

Политическая революция оканчивается в момент, когда люди, которые ее совершили, или — что бывает чаще всего — побудили других совершить, устранят представителей прежней власти, и вместе со своими сторонниками займут их места: «Завтрашний день» такой революции тот, в котором эти люди празднуют победу, чувствуя, что власть в их руках.

Социальная революция не может совершиться так быстро: политические революции суть только отдельные эпизоды ее, и их удача, или неудача несколько не влияют на конечный результат.

Иногда поражение влечет за собою столь грандиозный и плодотворный подъем духа, какой вряд ли мог бы быть вызван победой; примером может служить вооруженное восстание коммунаров 71 года. Казалось, репрессии, после его подавления, окончательно восстановят старый порядок вещей. Реакция ликовала, полагая, что пролетариат обуздан раз на всегда и не сумеет сбросить ярмо своих политических и экономических хозяев.

Между тем именно с этого времени требования рабочих приняли определенную экономическую окраску; рабочие поняли, что политические перевороты несколько не влияют на их экономическое положение, что власть — только орудие, а настоящий хозяин — капитал.

Социальная революция есть плод эволюции: последняя при столкновении с социальными учреждениями, задерживающими ее течение, превращается в революцию.

Она подобна реке, разлившейся во всю ширь по равнине; незаметно движется она в своем русле, как бы засыпая и нежась под горячими лучами солнца; они освещают ее и согревают и отражаются в ее гладкой поверхности, как в огромном зеркале.

Эволюция также медленно перерождает умы, и медленно, постепенно, от поколения к поколению, незаметно для отдельных индивидуумов, перерабатывает и изменяет нравы, стремления и идеалы; но если при этом старые учреждения остались неподвижны, то конфликт неизбежен.

Так и река: по выходе из равнины, ее берега становятся высокими, крутыми, сдавливают ее и принуждают ее воды течь по узкому каналу; река, походившая на гладкое, спокойное, почти неподвижное озеро, сразу перерождается: волны катятся быстро, с шумом ударяясь о скалы, преграждающие русло, и подмывая сжимающие их берега; и река, прежде спокойная и безобидная, превращается в бурный поток, уничтожающий все на своем пути.

Этого то не могли понять правительства, и вот почему — исполняя, впрочем, только свое назначение — всегда пытались поработить поток новых идей и заставить его течь узким каналом, промеж плотин, безрассудно воздвигаемых ими; и когда разъяренный поток, став сильнее этих преград, размывает их, разрушает окопы, казавшиеся правительствам столь прочными, то до того велико ослепление этих безумцев, что они винят поток, не понимая, что катастрофа — неизбежный, роковой результат плотин, воздвигнутых ими; что

несчастьем они обязаны собственной неумелости; что в нем не виноват поток, который, если бы не они, нес бы на своих волнах плодородие, вместо разрушения.

Говоря о революции, я подразумеваю не только борьбу с оружием в руках; всякая борьба против существующей власти, против современной общественной организации, будь это борьба активная, или пассивная, прибегает ли она к физической силе, или моральной; стремится ли к цели, вопреки существующим законам, но не навлекая на себя их кары, или же путем открытого нарушения их; раз только эта борьба ведется во имя устранения какой-либо несправедливости, какого-либо предрассудка, она уже этим самым содействует социальной революции, и каждый ее шаг вперед является успехом в общем ходе революции.

Когда добросовестно изучив наш социальный строй, ученый критик провозглашает, что неимущие классы смогут выйти из своего положения только посредством насилия, что только насилие освободит их от экономического гнета, тяготеющего над ними, то вывод такой нельзя назвать субъективным и заподозрить ученого, что он более сторонник насильственных мер, чем мирных. Ему хорошо известно, что революции нельзя декретировать, ни импровизировать. Из своих наблюдений он вывел истину, помимо своих личных симпатий, безразлично на чьей бы они ни были стороне: эксплуатирующих или эксплуатируемых; он констатирует то, что ему кажется правдой, и будущее покажет, ошибся ли он.

В наши дни невозможно организовать революцию; прошли те времена, когда народ воспламенялся речами трибунов и по их воле шел приступом против правительства; если такая сила слова и существовала когда-либо, то в настоящее время она ничтожна.

Конечно, ораторы и писатели влияют на умы; влияние это бывает большее или меньшее, непосредственное, продолжительное или скоро преходящее, в зависимости от дара слова, силы убеждения, образности речи и интенсивности логики; но в наше время критицизма оно всегда очень ограничено и имеет только частичное значение; значение большое, сравнительно с другими факторами, но в общей совокупности действующих сил и условий времени и среды — довольно, в сущности, ничтожное.

В наше время народным вождем можно сделаться лишь под условием: не выдвигаться вперед толпы; толпа следует только за тем, кто умеет идти шаг-в-шаг с нею, и если в истории иногда встречаются народные вожди, увлекавшие за собою толпу в бой, можно с уверенностью сказать, что толпа раньше их проникнулась сознанием необходимости борьбы, и сама выдвинула их из своих рядов.

Кто ищет истину, не заботится о том, следует ли за ним толпа. Если он одновременно с этим пропагандирует, — а это делает всякий, кто искренно увлечен идеей, — то он стремится сделать эту истину доступной для толпы, и для того, чтобы толпа могла усвоить ее, облакает ее в возможно более понятную и доступную форму; если ему удастся убедить ничтожное меньшинство, оторванное от толпы, — он может поздравить себя с успехом, но на этом и кончается непосредственное влияние пропагандиста; остальное довершают время и события.

Мыслитель, убедившийся в необходимости революции, может, конечно, многое сделать в смысле распространения своих убеждений в народе; тем не менее, его труды не ускорят революцию ни на одну секунду, и если бы — что совершенно немыслимо допустить — он достиг того, что весь народ сознал бы необходимость ее, все-таки она произойдет не раньше, чем когда обстоятельства сделают ее неизбежной.

В деле революции недостаточно быть готовым к ней; необходим случай; и очень многие, не думающие когда-либо принимать участие в революции, в момент, когда она загорится, могут сделаться ее самыми горячими защитниками.

Поэтому, когда правительство издает репрессивные законы против социологов, проповедующих на основании научных данных неизбежность революции, оно походит на страуса, о котором рассказывают — наверно ошибочно, — что он в опасности прячет голову под крыло, думая этим спастись. Можно запретить открыто констатировать факт, но это не помешает всем, умеющим думать, признавать его наличность, и никакие запретительные законы не в состоянии остановить хода событий.

Итак, между теми, которые жаждут освобождения, и теми, кто стремится удержать власть навсегда в своих руках, война неизбежна. Она замедлится, или будет ускорена, в зависимости от того, какие меры примут правительства, а также от степени энергии и сознательности борцов за освобождение; но, так или иначе, борьба неизбежна.

Как я сказал уже выше, социальная революция не может совершиться в несколько дней; возможно, что она продлится всего несколько лет, но возможно также, что будет делом нескольких поколений; кто может знать это?

Революция есть ряд мелких стычек и больших сражений с правительством и капиталом; в этой войне победы непрерывно чередуются с поражениями; за наступлением следует отступление, иногда столь поспешное, что может казаться, что мы возвратились к временам первобытного варварства.

Тем не менее, побежденный и задержанный в одном месте, прогресс в другом продолжает борьбу, и сторонники его, в данный момент разбитые, сумеют извлечь пользу из своего поражения и лучше скомбинировать силы для целого ряда новых сражений.

За победой следует поражение; сегодня разрушен один из господствующих предрассудков, завтра реакция уничтожает целый ряд пионеров прогресса; вот падает одно из учреждений старого режима, а вот репрессивные законы декретируют жестокие кары за преступления против существующего строя. Все это проявления борьбы, это революция делает свое дело. И в результате власть предрассудков постепенно ослабнет, исчезнет доверие к тяготящим над нами учреждениям, и настанет день, когда они рухнут столько же под тяжестью собственных прегрешений, сколько от ударов, наносимых им противниками.

Во всяком случае, борьба началась и окончится только тогда, когда человечество, стряхнув оковы, получит возможность эволюционировать на свободе, без каких бы то ни было препятствий.

Длинный период борьбы нужен, чтобы идея воплотилась в факт, и отдельными моментами этого периода будут и вооруженные восстания и мирный прогресс; нам и нашим потомкам придется переживать все его фазисы, и сама революция заменит человечеству тот эволюционный фазис, которого требуют сторонники постепенного развития.

Высказанные мною взгляды во многом не сходятся со взглядами тех, кто воображает, что революцию можно сделать, и что для реорганизации общества достаточно силы. Те, кто так думает, в сущности только политиканы, и к сказанному прежде можно прибавить только следующее: даже если бы мы были абсолютными сторонниками самой полной свободы, сила может нам только помочь уничтожить то, что нас связывает, но создать новый социальный строй может только свободная индивидуальная инициатива.

На это мне возразят, что насилие не может и никогда не могло ничего создать, и все будет достигнуто только эволюцией и мирной борьбой.

Из тех, кто говорит это, многие отлично знают, что борьба ради мирных реформ есть вздор, который на руку правительствам и капиталистам, и что последние перестанут быть эксплуататорами лишь тогда, когда у них будут отняты средства быть ими; но и многие искренни, ибо видят только одну сторону дела и не могут понять, что иногда бывает полезно, необходимо, даже неизбежно, чтобы эволюция временно перешла в революцию с тем, чтобы потом опять принять свое мирное течение.

Ясно, что сила одна не может ничего создать; то, что держится силой, силой же может быть свержено, и сама сила имеет значение и может держаться лишь постольку, поскольку рядом с нею, поддерживая ее, имеется некоторое стремление, некоторое настроение умов, благодаря которому навязанный нам силою порядок считается нами неизбежной необходимостью.

Конечно, я говорю о таких политических и экономических явлениях, когда меньшинство поработило массу, а не о завоеваниях, где численность завоевателей, а следовательно одна грубая сила явилась залогом победы и единственной причиной господства; хотя и в этих случаях часто силе помогала низшая степень развития покоренных народов.

Даже во времена, когда абсолютно царствовала одна грубая сила, она не могла бы держаться, если бы предрассудки, суеверие, вера в провидение, не оказывали ей моральной поддержки, более существенной, чем мечи и копья феодальных баронов. Но поскольку власть нуждается в силе, и ею поддерживается, постольку же сторонники свободы не должны, рискуя быть непоследовательными, мечтать об осуществлении своих идеалов при посредстве силы.

Если с одной стороны нельзя силой создать порядок вещей, единственным основанием которого должна быть свобода, то с другой стороны невозможно долготерпением и смирностью заставить правящие классы отказаться от своих привилегий.

Не всякий способен подставить правую щеку, получив удар по левой: это — дело характера и темперамента. Может быть, в одном отдельном случае обидчика обезоружит покорность, зато в массе других случаев он воспользуется смирением жертвы, чтобы повторить удар.

Я не говорю уже о том, что такой акт смирения мыслим разве только, когда дело происходит между двумя индивидуумами, но становится совершенно невозможным, когда тот, кто наносит удар, находится за сотни верст от того, кого он бьет, как это происходит при современной организации общества, где всякое насилие отражается рикошетом.

Из диких народов миролюбивые, принявшие европейцев с раскрытыми объятиями, в очень скором времени были ими обращены в рабство, и исчезли с лица земли; те же, которые сопротивлялись, хотя и были порабощены, но не так скоро, и от того, что они сопротивлялись, судьба их не стала хуже.

Сила управляет миром, и если разум нас учит, что мы не должны злоупотреблять ею ради притеснения других то вместе с тем он учит, что ее мы можем противопоставить попыткам поработить нас и ею же можем разрушить рабство, навязанное нам в период нашего физического или интеллектуального бессилия.

С самых древних времен до Американской Междоусобной войны включительно невольники выбивались из своего рабского положения только путем многократных восстаний.

Христианство, пройдя через гонения, утвердилось только тогда, когда противопоставило силе силу, и в свою очередь стало притеснителем. Точно также реформация только с оружием в руках добилась признания своей равноправности. А сколько войн пришлось вести крестьянству, прежде чем оно добилось своего современного положения! Идея монархического единства восторжествовала только тогда, когда были разрушены рыцарские замки, а феодальные бароны были казнены. В свою очередь, буржуазия освободилась от опеки, разгромив бастилию и дворцы, казнив священников, дворян и короля, и конфисковав их земли и поместья; теперь она злоупотребляет приобретенной силой, эксплуатируя низшие классы и этим заставляет их прибегать к силе же, ради защиты от ее притязаний.

Насилие порождает насилие, — таков мировой закон! Кто виноват в этом?

Социальная организация с ее антагонизмом классовых интересов ведет нас к революции; сила событий толкает к ней рабочий класс больше, чем убеждение, что эмансипация мирным путем невозможна. Это факт общепризнанный, и отрицать его могут только те, кто хочет уверить нас, будто революция 89 года, отдав власть в руки буржуазии, самым этим фактом навсегда покончила с требованиями, предъявленными старому режиму. Конечно, рабочий класс, принуждаемый насилием нести на себе тяжесть власти и ужасы беспощадной эксплуатации в свое время роковым образом будет вынужден прибегнуть к тому же насилию, чтобы освободиться от своих притеснителей; тем не менее утверждать, что будущее общество будет создано насилием, могут только те, кто хочет сделать людей счастливыми помимо их воли, или же самоуверенные честолюбцы, мнящие, что они обладают всей суммой человеческих знаний.

Мы, сторонники освобождения, столь великих надежд на силу не возлагаем и рассчитываем при помощи ее лишь устранить препятствия: уничтожить власть и капитал, и освободиться от их учреждений: от того мы и противники централизации и не признаем

представительства власти, ни мандатов, вручаемых отдельным индивидуумам, имеющим действовать и голосовать вместо нас и от нашего имени. Пусть всякая попытка приведения всех индивидуальностей под один уровень вызовет протест каждого отдельного «я» и встретит отпор со стороны индивидуальной инициативы, долженствующей быть свободной от каких бы то ни было стеснений.

Людям должна быть предоставлена свобода группироваться. Если такие группы затем найдут нужным вступать между собою в федерации, пусть делают это в той мере, в какой сочтут полезным для себя. Желющие остаться вне федерации — пусть остаются; пусть каждый умеет уважать свободу соседа, если хочет, чтобы уважали его свободу.

Одна лишь индивидуальная инициатива может обеспечить успех революции. Централизация всегда является тормазом в распространении новых идей, между тем как нужно не затруднять их развития, а напротив способствовать их свободному расцвету.

Каждый отдельный человек должен быть приучен мыслить и действовать за собственный риск и страх, не ожидая импульсивного толчка со стороны. Если мы достигнем того, что в своих делах будем рассчитывать только на самих себя и сумеем заставить уважать нашу личную свободу, одновременно уважая чужую, то в этом будет заключаться один из элементов успеха в осуществлении нашего будущего благополучия.

Не декреты центральной власти, а наша собственная энергия уничтожит все механизмы современного социального строя.

Лишь только начнется борьба, мы должны будем прежде всего стараться распространить вокруг себя начавшееся движение, не путем рассылки в деревни огромных количеств прокламаций, как это делали во время прежних революций, а доставлением туда предметов первой необходимости, земледельческих орудий, какие найдутся в городах, а также людей, которые научат крестьян пользоваться ими.

Факты красноречивее слов, и указанный способ — единственный, каким можно убедить крестьянина, что его интересы тесно связаны с интересами фабричного рабочего, и что, так как интересы их общи, то общими должны быть и стремления.

По всей вероятности движение примет самые разнообразные формы: то оно будет местное, ограничится одной деревней и будет немедленно подавлено; то распространится в целом округе и на некоторое время удержится, причем будут делаться попытки провести в жизнь те или иные формы социальных концепций.

Точно также разнообразны будут и причины: они могут быть экономические или политические, но какова бы ни была исходная точка движения, оно, если борьба продлится, неизбежно примет экономический характер.

Кто может предсказать, где и когда начнется эта война? Величайшие социальные несправедливости творятся, видимо не вызывая протеста толпы, и рядом с этим какой-нибудь пустяк способен зажечь всеобщий пожар.

Конечно, может случиться, и наверно даже случится, что движение будет подавляться прежде, чем рабочие окрестных местностей присоединятся к восставшим; но в области идей, как в физике, сила не теряется; сотрясение передается всем тем, кто страдает от тех же причин, что и восставшие, и стремится к одной с ними цели.

Пример заразителен, и идеи, как бы носясь в воздухе, передаются быстро. Бывают моменты, когда напряженность положения событий увлекает отдельных личностей, помимо их воли, в общем урагане. Одни и те же причины порождают одни и те же факты: везде рабочие истомлены игом эксплуатации; везде они хотят, чтобы их считали равными, а не низшими; везде в них проснулись чувство личного достоинства и сознание своей силы, и везде у них одно и то же горе и одни и те же упования.

В настоящий момент мир можно сравнить с площадью, уставленной фейерверком, где, смотря по направлению, которое примет первая ракета, или по очереди загорится каждая следующая, или все вместе вспыхнут одновременно; легко может стать, что от первого же толчка нарушится в обществе равновесие, поддерживаемое насилием.

Версия #3
[redacted] [redacted] создал 8 июля 2025 15:09:27
[redacted] [redacted] обновил 8 июля 2025 15:50:16